DOI: 10.56429/2414-4894-2025-51-4-170-181

Сюе Цзясинь
аспирант
кафедры глобалистики
факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В)
x13648300881@163.com

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ЭЛЕМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ЦЕЛЬ, ИНТЕРЕСЫ, СТРАТЕГИЯ

Xue Jiaxin
Postgraduate Student,
Department of Globalistics,
Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Leninskie Gory, 1/13A (building B)
x13648300881@163.com

«SOFT POWER» AS AN ELEMENT OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN THE MIDDLE EAST: PURPOSE, INTERESTS, STRATEGY

Аннотация. Цель статьи — представить особенности внешнеполитической деятельности Китая на Ближнем Востоке, для которой китайскими политиками была разработана уникальная концепция долгосрочной стратегии на основе принципа «мягкой силы». Проанализированы ключевые задачи китайской внешней политики в отношении Ближневосточного региона, рассмотрен ряд основополагающих целей и задач дипломатических отношений КНР со странами Ближнего Востока, в первую очередь долгосрочное торгово-экономическое сотрудничество. В результате исследования автор приходит к выводу, что Китай заинтересован в продвижении долгосрочных экономических проектов и программ на Ближнем Востоке и, как следствие, в сохранении стабильной политической обстановки в регионе на фоне эскалации военных

©Сюе Цзясинь, 2025
©Xue Jiaxin, 2025

конфликтов, ставя во главу собственные деловые интересы. Для реализации своей политической стратегии КНР использует такие инструменты «мягкой силы», как инициативы и мероприятия, направленные на углубление экономических и политических связей с государствами Ближнего Востока; активное освещение в СМИ гуманитарной и миротворческой инициативы Китая; планомерное продвижение китайской культуры и языка в арабском мире; миротворческая деятельность. По мнению автора, в рамках политики «мягкой силы» существует необходимость формирования благоприятного международного поля для культурной дипломатии, что позволит Китаю более глубоко и системно исследовать потенциал сотрудничества с государствами Ближнего Востока.

Ключевые слова: *внешняя политика КНР, Китай, Ближний Восток, «мягкая сила», дипломатия «мягкой силы», стратегическое партнерство.*

Abstract. The purpose of the article is to present the features of China's foreign policy in the Middle East, for which Chinese politicians have developed a unique concept of a long-term strategy based on the principle of "soft power". The work analyzes the key objectives of China's foreign policy towards the Middle East region, considers a number of fundamental goals and objectives of China's diplomatic relations with the countries of the Middle East, primarily long-term trade and economic cooperation. As a result of the study, the author comes to the conclusion that China is interested in promoting long-term economic projects and programs in the Middle East, and, as a result, is maximally interested in maintaining a stable political situation in the region against the backdrop of the escalation of military conflicts, putting its own business interests first. To implement its political strategy, China uses such tools of "soft power" as initiatives and events aimed at deepening economic and political ties with the states of the Middle East; active coverage in the media of China's humanitarian and peacekeeping initiative; systematic promotion of Chinese culture and language in the Arab world. According to the author, within the framework of the "soft power" policy, there is a need to form a more favorable international field for cultural diplomacy, which will allow China to more deeply and systematically explore the potential for cooperation with the Middle East states.

Key words: *foreign policy of the People's Republic of China, China, the Middle East, soft power, "soft power" diplomacy, strategic partnership.*

В XXI в. в фокусе внимания оказываются наиболее проблемные и дискуссионные вопросы внешней политики. На фоне смены позиций главных акторов в глобальной политике именно ближневосточный вектор обозначен во внешней политике Китая в качестве одного из ключевых приоритетов, а новая концептуальная картина Ближневосточного региона демонстрирует целевые установки официального Пекина придать своим геополитическим интересам и стратегиям другие масштабы. Существует необходимость научно-практического осмысления эволюции и перспектив внешнеполитического курса Китая на Ближнем Востоке, в котором ведущую роль играет политика «мягкой силы», способствующая росту влияния КНР за счет выхода из огра-

ниченных географических рамок. Однако следует учитывать, что поведенческие стратегии, присущие «поднебесной державе», со временем могут потерять эффективность, особенно в тех условиях, когда необходимо балансировать между другими, не менее важными внешнеполитическими направлениями на фоне кризисов последнего времени и иных вызовов.

Основными методами, использованными при работе над статьей, являются описание, сравнительный анализ, синтез и обобщение научно-исследовательских работ отечественных и зарубежных ученых, сбор и обработка фактов, а также последующее обобщение данных.

Политическая власть и сила выступают фундаментальными основами как внутренней, так и внешней политики государств. Данный феномен являет собой универсальный инструмент и целевую установку политического процесса, и концептуальное осмысление силы, заложенное в классическом труде Г. Моргентау, сохраняет свою актуальность в современной теории международных отношений [14]. В глобализационном процессе происходит существенное изменение теоретического дискурса в сфере международных отношений. Наблюдается отчетливая тенденция к сближению концепций внутренней и международной политики, что приводит к формированию нового понимания силы в межгосударственных отношениях как явления относительного. Значительный вклад в развитие этой теоретической парадигмы внес Дж. Най младший, разработавший концепцию «мягкой силы» (soft power). Впервые термин был представлен в его фундаментальном труде «Пределы лидерства» [16]. Дальнейшее концептуальное развитие теории силы произошло в работе «Гибкая сила. Средство успеха в мировой политике» [7]. В этом исследовании Най не только углубил понимание *soft power*, но и представил новую теоретическую конструкцию — *smart power*. В некоторых русскоязычных изданиях термин «smart power» переводится как «гибкая сила».

Нестабильная обстановка на Ближнем Востоке прямым образом влияет на внешнюю политику КНР, поскольку регион превратился в новую линию разлома системы международных отношений и становится очередным серьезным вызовом миропорядку.

В 2016 г. официальный Пекин представил обширный по своему содержанию Документ о политике Китая в отношении арабских стран, состоящий из предисловия и пяти основных разделов [4]. Это первый в своем роде документ, в котором четко обозначены основные направления внешнеполитического курса Китая на Ближнем Востоке с акцентом на долгосрочную перспективу. Кроме того, он продемонстрировал намерение КНР занять значимую позицию в этом геополитическом регионе, акцентируя внимание на укреплении как дипломатических, так и экономических взаимосвязей.

Современный Ближний Восток стратегически важен для Китая как гарант энергетической безопасности. Все годы с момента разработки

концепции Китай работал над усилением своих политических и экономических позиций в регионе. Более половины объема внешней торговли страны приходится на Ближний Восток, включая таких платежеспособных акторов, как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Бахрейн и др. Таким образом, бесспорно, что укрепление долгосрочных и взаимовыгодных связей, а также усиление авторитета и влиятельных позиций Китая в этом геополитическом регионе представляют собой фундаментальные задачи внешнеполитического курса КНР [3].

На начальном этапе разработки внешнеполитической стратегии в отношении Ближнего Востока КНР использовала свой аутентичный подход к глобальной внешней политике, обозначаемый как «мирное возвышение», который впервые представил Чжэн Бицзянь в 2003 г. [12] «Автор концепции заявляет об амбициозности намерений Китая занять лидирующие позиции не только в Азии, но и в мире» [9, с. 221]. Однако уже в 2005 г. на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН Китай представил новую формулировку — «гармоничный мир». Причиной такого изменения стало восприятие мировой общественностью слова «возвышение» как агрессивного, что подогревалось дискуссиями о новой китайской угрозе и опасении новых вызовов со стороны КНР. Стратегия «гармоничного мира» опирается на концепцию, хорошо известную в рамках европейской научной традиции как «мягкая сила». В XXI в. «мягкая сила» стал одним из самых популярных терминов в дипломатическом дискурсе, и все ведущие мировые державы ставят ее в основу своих внешнеполитических курсов. Эта концепция предполагает применение ненасильственных подходов к созданию позитивного международного окружения. Использование «мягкой силы» означает акцент на взаимодействии с другими государствами через культурные инициативы, развитие взаимовыгодных экономических отношений и активное участие в дипломатическом диалоге, что в целом создает условия для стабильности и сотрудничества на международной арене.

В 2004 г. состоялось открытие Форума китайско-арабского сотрудничества [5]. Взаимные официальные визиты и экономические соглашения, заключенные под руководством Ху Цзиньтао, действительно сыграли ключевую роль в формировании основ взаимного партнерства между Китаем и другими странами. Ху Цзиньтао, занимая пост председателя КНР с 2002 по 2012 г., в период своего руководства акцентировал внимание на необходимости укрепления международных связей, что способствовало улучшению имиджа Китая на мировой арене. Одним из знаковых аспектов его внешней политики стали активные дипломатические визиты, которые позволили укрепить двусторонние отношения со странами Ближнего Востока [15]. Эти встречи сопровождались подписанием стратегически важных соглашений, способствующих экономическому сотрудничеству, открытию новых торговых путей и, как

следствие, новым инвестиционным перспективам для китайских компаний, что позволило не только увеличить экспорт китайской продукции, но и получить доступ к природным ресурсам. Также важным элементом, способствовавшим углублению взаимного партнерства, стали многосторонние встречи, такие как саммиты Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС. На них обсуждались вопросы безопасности, экономического развития и культурного обмена, что укрепляло доверие между участниками.

Во втором десятилетии XXI в. продолжение процесса глобального взаимодействия оказалось неразрывно связано с проектом «Один пояс — один путь», а также с теми стратегическими принципами внешней политики, которые были внедрены Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. «В сентябре 2013 г. Си Цзиньпин, выступая в "Назарбаев Университете" (Астана), предложил создать "Экономический пояс Шелкового пути" за счет укрепления политических связей, улучшения транспортного сообщения от Тихого океана до Балтийского моря, содействия торговле и денежно-кредитной и человеческой коммуникации» [18]. Эти аспекты получили свое отражение в документе 2016 г., названном «Политика Китая в отношении арабских стран» [10]. Данный документ ясно демонстрирует наличие совпадений в интересах, целях и задачах развития, что подчеркивает стремление Китая к укреплению сотрудничества с арабскими государствами и интеграции в глобальные экономические и политические процессы. Существенным разделом документа является описание модели сотрудничества по формуле «1 + 2 + 3», суть которой проявляется в сотрудничестве в таких сферах, как, во-первых, «классическая» энергетика, во-вторых, инфраструктура, торговля и инвестиции, и в-третьих, альтернативная энергетика, ядерная энергетика и космос. Эту модель было решено включить в базу масштабного проекта «Один пояс — один путь» [10].

Таким образом, данная инициатива не только демонстрирует вовлеченность Китая в многосторонние отношения, но и акцентирует внимание на взаимовыгодном сотрудничестве, направленном на развитие и реализацию общих стратегий, что, в свою очередь, может способствовать созданию более устойчивых международных связей с Ближневосточным регионом.

В рамках осуществления «мягкой силы» Китай систематически реализует ряд инициатив и мероприятий, направленных на углубление экономических и политических связей с государствами Ближнего Востока. В первую очередь это включает в себя заключение соглашений о свободной торговле, а также предоставление беспроцентных кредитов на условиях взаимовыгодного сотрудничества, поддерживающих реализацию экономических проектов в странах региона, дополнительно погашаются долги ряда государств перед КНР. В том числе было заключено соглашение «нефть в обмен на восстановление» на 20 лет, по которому

Китай будет получать 100 000 баррелей в день в обмен на свои инвестиции в восстановление Ирака [19].

Вторым направлением является активное освещение в СМИ гуманитарной и миротворческой инициативы Китая, что сопутствует дипломатической поддержке ближневосточных государств.

Третьим направлением является планомерное и активное продвижение китайской культуры и языка в арабском мире. Так, образовательная «мягкая сила КНР наращивается с 2004 г., когда в арабских странах открыли свои двери Институты Конфуция для содействия пониманию китайского языка и культуры, что мы принимаем как пример того, как правительство может продвигать мягкую силу с помощью культурных средств» [1, с. 38]. Общественность арабских стран с теплом приняла китайские институты, не проявив негатива и сопротивления, которое отмечалось в ряде стран Запада. Китайское центральное телевидение представлено в регионе шестью каналами с круглосуточным вещанием на нескольких языках, активно работает агентство новостей «Синьхуа». Также важно обратить внимание на взаимодействие китайской диаспоры с местными властями и дипломатами. Представители диаспоры часто выступают в качестве «мостов» между культурой и традициями Китая и местными арабскими сообществами. Это создает возможность для двустороннего диалога и понимания, что может способствовать снижению напряженности между различными этническими группами, кроме того, китайское правительство может использовать свою диаспору для сбора информации и анализа ситуации в регионах с высоким уровнем напряженности. Анализ потребностей и ожиданий различных сторон может помочь в выработке более обдуманных дипломатических инициатив.

Мы согласны с мнением О.Н. Глазунова и А.Л. Савченко о необходимости «признать, что Китай в целях повышения эффективности стратегии “мягкой силы” в странах Ближнего Востока иногда использует сочетание “мягкой” и “грубой” силы, так как без применения жестких мер невозможно противостоять некоторым вызовам и угрозам (исламский радикализм, пиратство, транснациональная преступность и т.д.)» [2, с. 23]. Хотя Китай демонстрирует значительную экономическую активность на Ближнем Востоке, его военное присутствие в регионе остается относительно ограниченным. Важным шагом в расширении военного влияния КНР стало открытие в 2017 г. первой зарубежной военной базы в Джибути [13]. С 2008 г. Китай регулярно направляет военно-морские силы для участия в международных операциях по борьбе с пиратством в Аденском заливе. КНР, обладая уникальным военно-морским потенциалом, наряду с США, является единственным государством, которое разработало и внедрило в свой военно-морской флот десантные корабли особого типа — мобильные посадочные платформы, известные также как экспедиционные доки [17]. Эти высокотехнологичные суда существенно расширяют возможности страны

по проведению морских операций. С 2020 г. Народно-освободительная армия Китая активизировала военно-морскую деятельность в стратегически важных акваториях Восточной Африки. Регулярные конвойные операции китайских военных кораблей у берегов Сомали направлены на обеспечение безопасности международного судоходства в Красном и Аравийском морях. Эти действия призваны защитить торговые пути от пиратских нападений и обеспечить стабильность морских перевозок в регионе. Китайские военно-морские силы проводят патрулирование и сопровождение гражданских судов, что свидетельствует о растущем влиянии КНР в глобальной системе безопасности морских коммуникаций.

В 2012 г. Китай значительно расширил свое участие в миротворческих операциях, направив 700 военнослужащих в состав миротворческой миссии ООН в Судане. Это демонстрирует готовность страны участвовать в поддержании международной безопасности. Особого внимания заслуживает позиция Китая в отношении международного терроризма. Пекин не только выражает серьезную обеспокоенность этой угрозой, но и активно выступает за развитие сотрудничества в антитеррористической сфере, в том числе с США.

Хотя Китай не планировал значительно расширять военное присутствие на Ближнем Востоке в обозримом будущем, рост его экономики влечет за собой повышение обязательств по обеспечению безопасности. Сотни тысяч граждан КНР проживают и трудятся на Ближнем Востоке, и за последние годы китайское правительство неоднократно было вынуждено эвакуировать своих соотечественников из различных стран региона.

Успешное посредничество Китая в восстановлении дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном в марте 2023 г. наглядно показало возросший авторитет КНР на международной арене. Этот дипломатический прорыв подтвердил способность Пекина эффективно применять свои миротворческие инструменты для урегулирования региональных конфликтов и содействия общей стабильности в регионе.

В свете существующей реальности можно с уверенностью утверждать, что между Китаем и арабскими государствами имеются значительные идеологические и политические расхождения. Аргументируя это, отметим, что непосредственно среди самих ближневосточных государств наблюдаются существенные различия в политических системах, отношении общества к религиозным вопросам, а также в степени их интеграции с западными государствами [6]. Данные факторы накладывают определенные требования на стратегию Китая в отношении этих стран, предполагая необходимость индивидуального подхода к каждой из них при формировании стратегического партнерства, ориентированного на выявление и реализацию общих интересов. Таким образом, можно утверждать, что у Китая отсутствует единая и четко

сформулированная стратегия в контексте Ближнего Востока. Основной особенностью стратегического сотрудничества Китая с арабскими странами является поддержание стратегической гибкости, что позволяет адаптировать свои действия в соответствии с меняющимися условиями и возможностями. Принятие решений в рамках этого сотрудничества осуществляется на основе конкретных компромиссов, предложенных лицами, принимающими решения в данной области. В результате этого Китай может восприниматься в регионе как противостоящая держава, ориентированная на достижение исключительно своих собственных интересов [11].

Р. А. Полончук, ссылаясь на позицию многих западных и российских политологов, высказывает мнение, что в свете текущих военно-политических событий можно прогнозировать формирование к 2030 г. мощного стратегического союза между Китайской Народной Республикой, Исламской Республикой Иран и Исламской Республикой Пакистан [8]. Предполагается, что такое трехстороннее объединение получит значительное влияние на политическую ситуацию в регионе. Отдельное внимание будет уделяться Афганистану, где, несмотря на усилия действующего правительства, конфликт остается острым и требует международного вмешательства. В дальнейшем коалиция может распространить свое влияние на Ирак и Сирию, что существенно изменит баланс сил на Ближнем Востоке. Создание такого союза способно сформировать новый геополитический противовес существующему альянсу между Соединенными Штатами Америки и Республикой Индия, что приведет к эпохальным изменениям в глобальной системе международных отношений.

Сегодняшний этап эскалации на Ближнем Востоке становится испытанием для Китая, так как Пекин не стремился глубоко погружаться во внутрирегиональную политику на Ближнем Востоке, поскольку это может стать непреодолимым препятствием для его ключевых интересов, которые по-прежнему обращены к вопросам торгово-экономического сотрудничества.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов относительно применения концепции «мягкой силы» в рамках внешней политики КНР на Ближнем Востоке.

Стратегическое позиционирование Китая в регионе демонстрирует успешную реализацию комплексной внешнеполитической стратегии, основанной на принципах взаимовыгодного сотрудничества и мирного сосуществования. Главным элементом выбранной стратегии выступает активное использование инструментов «мягкой силы», направленных на укрепление политического, экономического и культурного влияния в регионе.

Экономическое измерение политики Китая на Ближнем Востоке проявляется через масштабное торгово-экономическое сотрудничество, реализацию крупных инфраструктурных проектов, в частности в рам-

ках инициативы «Один пояс — один путь», и формирование устойчивых торговых связей с основными государствами региона.

Культурная дипломатия КНР показывает значительные успехи через систему Институтов Конфуция, развитие языкового образования и медиаприсутствия в регионе. Активная деятельность проводится в рамках гуманитарных инициатив и миротворческих усилий, что подтверждается эффективным посредничеством в урегулировании саудовско-иранского конфликта.

Военно-политический аспект присутствия Китая в регионе характеризуется сдержанностью и прагматизмом, при этом страна демонстрирует готовность участвовать в международных операциях по обеспечению безопасности морских путей и поддержанию мира.

Перспективные направления развития китайско-ближневосточного сотрудничества связаны с дальнейшим укреплением экономических связей, расширением культурного диалога и повышением роли Китая в урегулировании региональных конфликтов. При этом успешность реализации данной стратегии во многом зависит от способности Пекина сохранять баланс между собственными интересами и потребностями партнеров в регионе.

Таким образом, политика «мягкой силы» выступает эффективным инструментом продвижения интересов Китая на Ближнем Востоке, способствуя формированию многопланового сотрудничества и укреплению позиций КНР как одного из важнейших игроков в регионе.

Мы считаем, что в рамках политики «мягкой силы» существует необходимость формирования более благоприятного международного поля для культурной дипломатии, что позволит Китаю более глубоко и системно исследовать потенциал сотрудничества с государствами Ближнего Востока. Кроме того, необходимо подчеркнуть важность общественной активности в диалоге КНР и Ближнего Востока, что может достигаться путем адекватного и непрерывного взаимодействие с неправительственными организациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бребдани А.М.* Культурная мягкая сила Китая в арабском мире // Казачество. 2022. № 63. С. 35—41.

2. *Глазунов О.Н., Савченко А.Л.* Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока // Общество: Политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 22—26. DOI: 10.24158/pep.2018.3.4

3. *Ильиминская М.Ф.* Регион Персидского залива как зона геополитических интересов Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 152—161.

4. Китайское правительство опубликовало первый документ о политике в отношении арабских стран // Синьхуа Новости. URL: http://russian.news.cn/2016-01/13/c_135006591.htm (дата обращения: 10.12.2024).

5. *Кузнецов Р.А.* О роли и месте Китая на Ближнем Востоке // Институт изучения Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/?p=72151 (дата обращения: 10.12.2024).

6. *Маслова Е.А.* Италия—Китай: Выход за рамки дозволенного? Фактор Китая в Средиземноморье. М.: Ин-т Европы РАН, 2022.

7. *Най Д.* Гибкая сила: Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006.

8. *Полончук Р.А.* Военно-политическое присутствие КНР на Ближнем Востоке // Этносоциум и межнациональная культура. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskoe-prisutstvie-knr-na-blizhnem-vostoke (дата обращения: 15.08.2025).

9. *Помозова Н.Б.* Социологический дискурс-анализ контекста концепции «мирного возвышения Китая» (2002—2004 гг.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 219—224.

10. China's Arab Policy Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1331683.shtml (дата обращения: 10.12.2024).

11. *Ghafar A.A.* Beyond economics: Sino-Egyptian relations under El-Sisi. China and North Africa. Between Economics, Politics, and Security. N.Y.: I.B. Tauris, 2021.

12. China's peaceful rise: Speeches of Zheng Bijian 1997—2005. Washington: Brookings Institution Press, 2005.

13. *Korkodinov D.* China's closeness to the Middle East // WGI.WORLD. URL: https://wgi.world/china-s-closeness-to-the-middle-east/?fbclid=IwAR1GV4JSlbMGSMXP7UytKQiqfuCcZnYaRv5JMiw2MRyd5-hl1vQLpyoIo3Y (дата обращения: 17.08.2025).

14. *Morgenthau H.J.* Politics among Nations. The struggle for power and peace. 2nd ed. N.Y.: A.A. Knopf, 1955.

15. *Niu Xinchun.* China's interest in and influence over the Middle East // Contemporary International Relations. 2020. Vol. 24, N 1. P. 41—42.

16. *Nye J.S. Jr.* Bound to lead: The changing nature of American power N.Y.: Basic Books, 1990.

17. *O'Rourke R.* China naval modernization: Implications for U.S. Navy capabilities — background and issues for Congress. Washington: Congressional Research Service, 2020.

18. President Xi Jinping proposes to build a Silk Road Economic Belt with Central Asian countries // China.org. URL: http://www.china.org.cn/travel/revitalize_the_silk_road_in_Shaanxi/2013-11/01/content_30468580.htm (дата обращения: 10.12.2024).

19. *Zidane S.* Iraq, China launch "oil for reconstruction" agreement // ALMONETOR. URL: https://www.al-monitor.com/originals/2019/10/iraq-china-india-oil-construction.htm (дата обращения: 10.12.2024).

REFERENCES

1. Brebdani A.M. Kul'turnaja mjagkaja sila Kitaja v arabskom mire [The cultural soft power of China in the Arab world*]*. Kazachestvo [Cossacks]. 2022. N 63. Pp. 35—41. (In Russ.).

2. Glazunov O.N., Savchenko A.L. Osobennosti i prioritety vneshnej politiki Kitaja v stranah BlizhnegoVostoka [Features and priorities of China's foreign policy

in the Middle East]. Obshhestvo: Politika, jekonomika, pravo [Society: Politics, Economics, Law]. 2018. N 3. Pp. 22—26. DOI: 10.24158/pep.2018.3.4 (In Russ.).

3. Ilyiminskaya M.F. Region Persidskogo zaliva kak zona geopoliticheskih interesov Kitaja [The Persian Gulf Region as a zone of China's geopolitical interests]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2015. N 1. Pp. 152—161. (In Russ.)

4. Kitajskoe pravitel'stvo opublikovalo pervyj dokument o politike v otnoshenii arabskih stran [The Chinese government has published the first document on policy towards Arab countries]. Sin'hua Novosti [Xinhua News]. URL: http://russian.news.cn/2016-01/13/c_135006591.html (date of access: 10.12.2024). (In Russ.)

5. Kuznetsov R.A. O roli i meste Kitaja na Blizhnem Vostoke [On the role and place of China in the Middle East]. Institut izuchenija Blizhnego Vostoka [Institute for the Study of the Middle East]. URL: http://www.iimes.ru/?p=72151 (date accessed: 10.12.2024). (In Russ.)

6. Maslova E.A. Italija—Kitaj: Vyhod za ramki dozvolennogo? Faktor Kitaja v Sredizemnomor'e [Italy—China: going beyond the bounds of what is allowed? The Chinese factor in the Mediterranean]. M.: Institut Evropy RAN [Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences], 2022. (In Russ.)

7. Naj D. Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspekha v mirovoj politike [Soft power: The means to success in world politics]. M.: Trend, 2006. (In Russ.)

8. Polonchuk R.A. Voenno-politicheskoe prisutstvie KNR na Blizhnem Vostoke [China's Military and Political Presence in the Middle East]. Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura [Ethnosociety and Interethnic Culture]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskoe-prisutstvie-knr-na-blizhnem-vostoke (date of access: 15.08.2025). (In Russ.)

9. Pomozova N.B. Sociologicheskij diskurs-analiz konteksta koncepcii «mirnogo vozvyshenija Kitaja» (2002—2004 gg.) [Sociological discourse-analysis of the context of the concept of the "peaceful rise of China" (2002—2004)]. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski [State and municipal administration. Scientific notes]. 2021. N 2. Pp. 219—224. (In Russ.).

10. China's Arab Policy Paper. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1331683.shtml (date of access: 10.12.2024).

11. Ghafar A.A. Beyond economics: Sino-Egyptian relations under El-Sisi. China and North Africa. Between Economics, Politics, and Security. N.Y.: I.B. Tauris, 2021.

12. China's peaceful rise: Speeches of Zheng Bijian 1997—2005. Washington: Brookings Institution Press, 2005.

13. Korkodinov D. China's closeness to the Middle East. WGI.WORLD. URL: https://wgi.world/china-s-closeness-to-the-middle-east/?fbclid=IwAR1GV4JSlbMGSMXP7UytKQiqfuCcZnYaRv5JMiw2MRyd5-hl1vQLpyoIo3Y (date of access: 17.08.2025).

14. Morgenthau H.J. Politics among Nations. The struggle for power and peace. 2nd ed. N.Y.: A.A. Knopf, 1955.

15. Niu Xinchun. China's interest in and influence over the Middle East. Contemporary International Relations. 2020. Vol. 24, N 1. Pp. 41—42.

16. Nye J.S. Jr. Bound to lead: The changing nature of American power N.Y.: Basic Books, 1990.

17. O'Rourke R. China naval modernization: Implications for U.S. navy capabilities background and issues for Congress. Washington: Congressional Research Service, 2020.

18. President Xi Jinping proposes to build a Silk Road Economic Belt with Central Asian countries. China.org. URL: http://www.china.org.cn/travel/revitalize_ the_ silk_road_in_Shaanxi/2013-11/01/content_30468580.htm (date of access: 10.12.2024).

19. Zidane S. Iraq, China launch 'oil for reconstruction' agreement. ALMONETOR. URL: https://www.al-monitor.com/originals/2019/10/iraq-china-india-oil-construction.htm (date of access: 10.12.2024).